

Письмо о себе и письмо о Другой в женском автофикшне компаративный анализ «Женщины» А. Эрно и «Раны» О. Васякиной

Александра Щукина, студентка, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), alexpike2@yandex.ru

Статья обращена к рассмотрению двух автофикциональных текстов о смерти матери, франкоязычного и русскоязычного: «Une femme» («Женщины») А. Эрно 1987 г. и «Раны» О. Васякиной 2021 г. Соотношение «Другой» и «себя» в обоих текстах определяют оппозиции матери и дочери; умершей и живой; женщины – носительницы патриархальных установок о концепте «женскости» и женщины, их преодолевающей. Образ матери в обоих текстах универсализирован: у Эрно – через социо-исторический контекст, у Васякиной – через интертекст. Вместе с тем ключевым способом автохарактеристики субъекта в «Женщине» и «Ране» становятся наблюдения за своим гореванием и актом письма в процессе скорби. В основе обоих произведений – символическое путешествие нарраторки с целью принятия матери и своей связи с ней, стадийное – у Эрно, нелинейное – у Васякиной. Такие «путешествия к принятию» установлены чертой группы женских текстов о материнской смерти: к ним принадлежат «Une mort très douce» С. де Бовуар – претекст «Женщины» и «And the One Doesn't Stir without the Other» Л. Иригарей – претекст «Раны».

Ключевые слова: женский автофикшн, Эрно и Васякина, дочерне-материнская связь, смерть матери в литературе, репрезентация женского опыта, образ Другой.

Для цитирования: Щукина А.Б. Письмо о себе и письмо о Другой в женском автофикшне: компаративный анализ «Женщины» А. Эрно и «Раны» О. Васякиной // Метаморфозис. 2025. Т. 10. № 1. С. 10-26.

Дата поступления: 25.07.2025.

Я и Другой в автофикшне

Репрезентация воспоминаний о Другом/Другой в автофикциональных произведениях предполагает особое сопряжение своего и чужого опыта, отражение образов Других в себе и «себя» в Других.

Это можно объяснить тем, что само автофикциональное «я» неоднородно и расщепляется на несколько дистанцированных частей. «Перелом субъекта»¹ утверждает Серж Дубровский, впервые использовавший термин «автофикшн». Современные определения автофикшена также маркируют этот перелом, это расщепление: автофикшн – «раскол на вспоминающее и вспоминаемое я»², «одна из общих черт автофикшенов – «я», отсылающее к хрупкой множественности, которая подрывает идею единственной истины»³. Множественность

«я», сформированная обращением к области памяти, позволяет представить множественность точек зрения на одни и те же изображаемые события, множественность истин. Вместе с тем и сама вспоминаемая часть «я» в парадигме автофикшена становится Другим/Другой, предметом письма, который может быть отражен со стороны, с внешней позиции и соотнесен с остальными субъектами-персонажами.

Место Другой как женского образа, не отождествленного с авторкой, рассказчицей и главной героиней в парадигме осколочных «я», мы рассмотрим на примере двух автофикциональных текстов: «Женщины» Анни Эрно (1987) и «Раны» Оксаны Васякиной (2021). В этих текстах сходно основное соположение «Другой» и «себя»: Другая – недавно умершая мать, а пишущая – взрослая дочь, проживающая горевание и реконструирующая материнский образ по воспоминаниям и материальным свидетельствам.

Приметы автофикшена в «Женщине» и «Ране»

«Женщину» и «Рану» можно отнести к автофикциональному полю, опираясь на критерии, которые предлагает Ф. Гаспарини для его определе-

¹ Здесь и далее перевод цитат с англ. и франц. на русский мой – А.Щ. “la fracture <...> du sujet”. *Doubrovsky S. Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // L'Esprit Créateur. 1980. Vol. 20. N. 3. P. 91.*

² “split into a remembering and a remembered ‘I’”. *Wagner-Egelhaaf Martina. Handbook of Autobiography/Autofiction. Boston-Berlin: De Gruyter, 2018.*

³ “un des traits communs à toutes les autofictions: le je ne renvoie plus à une réalité permanente, mais au contraire à une multiplicité fragile qui <...> ébranle <...> l'idée de vérité unique”. *Hu-bier S. Littératures intimes: Les Expressions du moi, de l'autobiographie à l'autofiction. Paris, 2003. P. 122.*

ния в книге «Autofiction : Une aventure du langage»⁴ («Автофикшн: языковое путешествие»). Прежде всего, это стремление к формальной изобретательности. У Эрно оно проявляется в интерпретации характера своего текста как осуществляющего оригинальный синтез: «нечто между литературой, социологией и историей»⁵. У Васякиной – во включении в основной прозаический нарратив «Раны» цикла стихотворений «Ода смерти» и эссе: «Записки о пергаменте и цветке», «Клетки-ткачихи-паучихи», «Язык Филомелы».

Еще один критерий – отказ линейно проследить историю своей личности: нарратив «Раны» определяют флешбеки-воспоминания, в «Женщине» хронология разрушается в начале текста – в описании похорон и в финале – в описании событий после материнской смерти, однако временная последовательность присутствует в биографической части, в нарративе о Другой.

Кроме того, в обоих текстах изобильны автокомментарии, посредством которых происходит исследование границ собственной действительности. Наконец, сама тематика, связанная с репрезентацией образа своей матери, ее жизненного опыта, болезни и смерти характерна для автофикшена: как замечает Ф. Гаспарини, «темы, касающиеся родственной связи, коллективной памяти и скорби характеризуют <...> современное письмо о себе»⁶.

Я и Другая как женщина и женщина

В обоих автофикшенах письмо об утраченной Другой сопряжено с осмыслением роли гендерных представлений в повседневной жизни Другой, формировании ее личности. Так, у Эрно молодость матери связывается с социо-исторической средой, где бытует контроль за поведением женщин и стремление их самих привлекать взгляды, быть разглядываемой: «Но в то время и в маленьком городке, где основа социальной жизни состояла из того, чтобы возможно больше узнавать о людях, где осуществлялся постоянный и естественный надзор за поведением женщин, можно было только разрываться между желанием «наслаждаться молодостью» и стремлением к самоутверждению и одержимостью тем, что на тебя «показывают пальцем»»⁷.

Здесь воссоздано, в терминологии ключевого для Эрно автора П. Бурдье⁸, «...превращение женского телесного опыта в предельно универсальное

⁴ Gasparini Ph. Autofiction : Une aventure du langage. Éditions du Seuil, 2008.

⁵ Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 104. “quelque chose entre la littérature, la sociologie et l'histoire”.

⁶ Gasparini Ph. Autofiction: Une aventure du langage. Éditions du Seuil, 2008. “Les thèmes relatifs à la filiation, à la mémoire collective et au deuil caractérisent <...> l'écriture du moi contemporaine”. P. 309.

⁷ Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 33. “Mais à une époque et dans une petite ville où l'essentiel de la vie sociale consistait à en apprendre le plus possible sur les gens, où s'exerçait une surveillance constante et naturelle sur la conduite des femmes, on ne pouvait qu'être prise entre le désir de ‘profiter de sa jeunesse’ et l'obsession d'être ‘montrée du doigt’”.

⁸ См. Ernaux A., Jeannet F-Y. L'écriture comme un couteau, d'Annie Ernaux. Entretien avec

тело-для Другого, постоянно подвергающееся объективации, осуществляемой взглядом и речью других»⁹. Женское тело представлено в социальном пространстве подчиненным внешней оценке, которая для самих женщин становится средством поддержания гордости и достоинства.

Несмотря на идентичность навыков матери мальчишеским в детстве («с такими же умениями, как у мальчиков: пилить дрова, чистить яблоки и убивать кур одним ударом зубила по горлу»¹⁰), во время взросления мать приобретает стремление следовать особому коду «достойной» девушки: «кем она стремилась быть: порядочной молодой девушкой»¹¹. Гендер предстает социально сконструированной категорией, соотнесенной с порядочностью, «требованиями вежливости и чистоты»¹². «Женщиной не рождаются, ею становятся»¹³ – оторванность категории «женскости» от физиологии утверждает С. де Бовуар, преемственность которой подчеркивает Эрно в финале «Женщины», связывая смерть своей матери со смертью де Бовуар: «Она умерла за неделю до Симоны де Бовуар»¹⁴.

Вместе с тем мать в автофикшне демонстрирует качества, не соответствующие, по оценке нарраторки, стереотипно феминным, что проявляется в манере самовыражения: «ее укороченные юбки, мальчишеские прически, «смелые» глаза»¹⁵. В романтических отношениях мать занимает доминирующую позицию, становится сосредоточением деятельности, энергичности: «Он последовал за ней, она была социальной волей пары»¹⁶.

Однако следование гендерным ожиданиям проявляется в выполнении домашних обязанностей и рабочих, заменяющих их: «стирка белья, промывка паркета от стружки»¹⁷. Такой труд означает для матери поддержание достоинства, что отражается и в поведении бабушки нарраторки по материнской линии, которой удается «с минимумом денег прокормить и

Frédéric-Yves Jeannet. Publisher, Stock, 2003. P. 57. о П. Бурдьё: «на мой взгляд, величайший интеллектual последних пятидесяти лет» (“à mon sens le plus grand intellectuel des cinquante dernières années”).

⁹ Bourdieu P. La domination masculine. Éditions du Seuil, 1998. P. 56. “faire de l’expérience féminine du corps la limite de l’expérience universelle du corps-pour autrui, sans cesse”.

¹⁰ Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 28. “avec les mêmes savoir-faire que les garçons, scier du bois, locher les pommes et tuer les poules d’un coup de ciseau au fond de la gorge”.

¹¹ Ibid. “ce qu’elle aspirait à être, ‘une jeune fille comme il faut’”.

¹² Ibid. “exigences de politesse et de propreté”.

¹³ Beauvoir S. de. Le deuxième sexe II: L’expérience vécue. Édition du Club France Loisirs, Paris, avec l’autorisation des Éditions Gallimard, 1990. P. 7. “On ne naît pas femme: on le devient”.

¹⁴ Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 105. “Elle est morte huit jours avant Simone de Beauvoir”.

¹⁵ Ibid. P. 33. “ses jupes raccourcies, ses cheveux à la garçonne, ses yeux ‘hardis’”.

¹⁶ Ibid. P. 39. “Il l’a suivie, elle était la volonté sociale du couple”.

¹⁷ Ibid. P. 54. “la lessive du gros linge, le décapage du parquet de la chambre à la paille de fer”.

одеть семью»¹⁸. Эрно фиксирует передачу мифов о женщине из поколения в поколение. «Персональная идентичность Эрно непредставима вне присоединения к сообществу»¹⁹, – отмечает Б. Ладимер.

Постоянная занятость, соединение работы, материнства и домашних обязанностей оказывается и тем, что объединяет мать и героиню-нарраторку, письмо о Другой и письмо о себе как о женщине. Подобную женскую роль нарраторка обретает после завершения процесса взросления, в собственном браке: «Между занятиями в средней школе в горах в сорока километрах от дома, ребенком и готовкой я, в свою очередь, стала женщиной, у которой нет времени. Я почти не думала о матери, она была так же далека от меня, как и моя жизнь до брака»²⁰. В этом фрагменте утверждается, с одной стороны, дистанция от матери, с точки зрения героини Эрно в прошлом, с другой стороны, гендерная идентификация, восприятие себя как преемницы материнской роли.

В «Ране» мать также изображена успешно следующей стереотипным, ожидаемым моделям: «Мама была настоящей женщиной. Женщиной в квадрате. Женщиной-женщиной. ЖЕНЩИНОЙ»²¹. Невозможность следования им воспринимается матерью как поражение, утрата себя: «Она понимала, что потеряла себя как женщину»²². «Женскость» в обоих текстах нуждается в утверждении, поддержке действиями, а телесное становится перформативным аспектом гендера, который «конституирует ту идентичность, которой претендует быть»²³, в терминологии Дж. Батлер.

Изображение социальных актов матери – например, замена груди протезом – дополнено их эмоциональной оценкой, с точки зрения нарраторки, ее ассоциациями: «она выглядела как гадалка, пиратка или погонщица слонов»²⁴. «Невозможно создать объективную реальность художественными средствами»²⁵, – говорит Васякина в интервью, в то время как Эрно в сво-

¹⁸ *Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 26. “qu'avec le minimum d'argent elle arrivait à nourrir et habiller sa famille”.*

¹⁹ *Ladimer B. Cracking the Codes: Social Class and Gender in Annie Ernaux // Chimères. 2002. Vol. 26(1). N. 53. “Ernaux's personal identity is not imaginable outside her connection to her community”.*

²⁰ *Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 72. “Entre les cours dans un lycée de montagne à quarante kilomètres, un enfant et la cuisine, je suis devenue à mon tour une femme qui n'a pas le temps”.*

²¹ *Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021. С. 21.*

²² Там же. С. 22.

²³ *Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. М.: V-A-C Press, 2022. С. 80.*

²⁴ *Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021. С. 21.*

²⁵ *Васякина О., Максимова Е. «Я против иллюзии, что книгой можно вылечиться» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 7-16.*

ем интервью утверждает: «я стремлюсь строгими средствами объективировать «живое», не отказываясь от того, что составляет специфику литературы, а именно от требований письма, абсолютной вовлеченности субъекта в текст»²⁶. Самоопределению нарраторки Эрно через социум можно противопоставить самоопределение нарраторки Васякиной через собственный опыт, эмоции.

Поэтому и женскость в «Ране» определяется через оценочное утверждение: «Женщина – это и есть пространство»²⁷. Захламление материнской квартиры, нагромождение вещей, переданное рядом однородных существительных, связывается с физическим и психическим состоянием матери: «На стене висели акварельный рисунок маминой подруги юности, открытка от меня и масса каких-то картинок, календариков, валентинок, которые я бы сочла за мусор»²⁸. Наравне с распадом жизни дома при умирании женщины, изображается и обратный процесс – насыщения дома жизнью вместе с возвращением женщин в дом: «Все приходили и несли цветы, еду, говорили соболезнования, мне казалось, что наполняющийся женщинами дом набирает телесную силу и жизнь»²⁹.

Пространственная метафора может быть связана с концепцией Л. Иригарей, к которой обращается Васякина в эпиграфе к «Ране»: «женственность проживается как пространство, однако часто связывается с пучиной и ночью (Бог ведь – просветленное пространство?), а мужественность – как время»³⁰. Женскость определяется через обращение к теоретическим феминистским работам и к мировой литературной традиции.

Индивидуальная интерпретация женского образа дополняется в эссе «Клетки-ткачихи-паучихи» мифологической аллюзией – на спор Арахны и Афины, отраженный в «Метаморфозах» Овидия. Афина рассматривается нарраторкой как воплощение маскулинности, благодаря ее атрибутам, происхождению от отца: «Афина – символ воинской славы, она родилась без участия женщины, из головы Зевса, также ее считают девственницей»³¹. Арахна, вступающая с ней в поединок, становится агенткой женской ярости, бунта: «Арахна, Филомела и Пенелопа в первую очередь воспринимаются

²⁶ Ernaux A. Vers un je transpersonnel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.annie-ernaux.org/fr/textes/vers-un-je-transpersonnel/> (дата обращения: 10.07.2025). “Je veux dire par là que je cherche à objectiver, avec des moyens rigoureux, du ‘vivant’ sans abandonner ce qui fait la spécificité de la littérature, à savoir l’exigence d’écriture, l’engagement absolu du sujet dans le texte.” («Под этим я подразумеваю, что я стремлюсь строгими средствами объективировать «живое», не отказываясь от того, что составляет специфику литературы, а именно от требований письма, абсолютной вовлеченности субъекта в текст»).

²⁷ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 66.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 68.

³⁰ Иригарей Л. Этика полового различия / пер. с англ. А. Шестакова, В. Николаенкова / Художественный журнал, 2004. С. 17.

³¹ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 78.

как женщины, сопротивляющиеся порядку, в который они помещены»³². Несмотря на проигрыш Арахны, важной оказывается сам акт ее конфронтации: «Не потому ли Арахна так известна и не боится противостоять Афине, что мать ее мертва и свое мастерство она получила не от старшей женщины, но от мужского божества в женском обличье?»³³. Возможность этого акта, его источник обнаруживается в отсутствии матери-паучихи, преемственности ткацкого ремесла от маскулинной Афины.

Материнская фигура в этом эссе позиционируется как угнетающая, сковывающая ткачиху-дочь в пространстве дома, препятствующая выходу наружу, в публичное пространство, что отсылает к традиционной оппозиции мужского и женского как «снаружи (публичное)/внутри(частное)»³⁴, о которой пишет П. Бурдьё. Старшая женщина поддерживает эту дихотомию и способствует подавлению другой женщины.

Эссе «Язык Филомелы», где рассматривается другой миф – о насилии над Филомелой – указывает на источник такого подавления – андроцентричный дискурс. Акт сопротивления ему связывается с обретением своего языка и с освобождением женского сообщества: «И ласточка/соловей должна вернуться за языком, освободить его из-под стражи и снова обрести его, чтобы песня зазвучала и пробудила женщин, скалы и лес»³⁵. Такой императив сходен с императивом Сиксу, которую также упоминает Васякина, в «Хохоте Медузы»: «Женщины должны писать через свои тела, они должны изобрести неприступный язык, который разрушит перегородки, классы и риторику, правила и кодексы»³⁶.

Соединение мифа и гендерной теории у Васякиной способствует деиндивидуализации женского образа, и таким образом граница между чужим и собственным женским субъектом разрушается. У Эрно средством деиндивидуализации становится введение социо-исторического контекста и дистанцирование от личного опыта как метод письма. По замечанию И. Шарпантье о творчестве Эрно, «директивный договор о чтении, всегда содержащийся в самих повествованиях, предполагает (навязывает?) стратегическую идею о письме как испытании, борьбы, схватки с ловушкой индивидуальности»³⁷.

³² Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021.

³³ Там же.

³⁴ Bourdieu P. La domination masculine. Éditions du Seuil, 1998. P. 18. “dehors (public)/dedans (privé)”.

³⁵ Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021. С. 78.

³⁶ Cixous H. The Laugh of the Medusa / Translated by K. Cohen and Paula Cohen // Signs. Vol 1. N. 4. P. 886. “Women must write through their bodies, they must invent the impregnable language that will wreck partitions, classes, and rhetorics, regulations and codes”.

³⁷ Charpentier I. “Quelque part entre la littérature, la sociologie et l’histoire...”: L’œuvre autobiographique d’Annie Ernaux ou les incertitudes d’une posture improbable // Discours en contexte. 2006. N. 1. “Le pacte de lecture directif, toujours contenu dans les récit eux-mêmes, suggère

Я и Другая как дочь и мать

Проблематика восприятия себя и Другой усложняется в оптике дочерне-материнской дихотомии. «Я сижу в ее кресле, а она – на стуле. Жуткое впечатление раздвоения, я – это я и она»³⁸, – пишет А. Эрно о своей матери в «*Je ne suis pas sortie de ma nuit*» («Я не вышла из моей ночи»), опубликованном дневнике, который авторка вела с 1983 по 1986 год, с момента начала болезни и до смерти своей матери. «Я» не просто определяет себя через Другую, заимствует ее идентичность (что предполагало бы «я это она»), но одновременно является и собой, и Другой тоже.

Те же отношения объединения маркирует образ из сна нарраторки в финале «Женщины»: «Из моего живота, из моей вульвы, вновь гладкой, как у девочки, исходили нитевидные растения, они реяли, мягкие. Это была не только моя вульва, но еще и вульва моей матери»³⁹. Телесность Другой однородна телесности Я, и подобная идентификация себя со старшей женщиной создает преемственную связь: Я интерпретируется продолжением Другой.

Можно сопоставить такое слияние с лакановской концепцией «стадии зеркала»⁴⁰. Через идентификацию с *imago* собственного тела субъект устанавливает связи с реальностью, внутренним миром и окружающей средой, *Innenwelt* и *Umwelt*, приобретая таким образом целостность «своего Я». Но «*imago* собственного тела», в случае Эрно, – тело не свое, а материнское, наделяемое чертами идеального в его описании в начале биографической части.

Восприятие матери изображено как путь, который проходит нарраторка-героиня на протяжении своей жизни. Первая – детская – стадия ее перцепции – восхищение. Она связана с вниманием к телесности матери, рассматриванием ее: «Ее кожа выглядывала между перекрещенными шнурками, связанными книзу узлом и бантом. Ничего из ее тела не ускользнуло от меня. Я верила, что, когда вырасту, стану ей»⁴¹. Героиня разделяет себя и мать и в то же время жаждет идентификации. Мать в этой парадигме оказывается сверх-Я, идеальной Другой.

(impose ?) l'idée – stratégique – de l'écriture comme épreuve, lutte, combat contre le piège de l'individualité”.

³⁸ *Ernaux A. Je ne suis pas sortie de ma nuit*. Paris: Gallimard. 1997. P. 23. “Je me suis assise dans son fauteuil, et elle, sur une chaise. Impression terrible de dédoublement, je suis moi et elle”.

³⁹ *Ernaux A. Une femme*. Éditions Gallimard, 1987. P. 104. “Ce n'était pas seulement mon sexe, c'était aussi celui de ma mère”.

⁴⁰ См. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции я // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А. Черноглазова, М. Титовой. М.: Логос, 1997.

⁴¹ *Ernaux A. Une femme*. Éditions Gallimard, 1987. P. 46. “Sa peau sortait entre les lacets croisés, attachés en bas par un nœud et une rosette. Rien de son corps ne m'a échappé. Je croyais qu'en grandissant je serais elle”.

Однако и мать тоже идентифицирует себя с дочерью: «Она утоляла свое желание учиться через меня»⁴², «Если бы тебя вышвырнули на завод в 12 лет, ты такой бы не была. Ты не знаешь своего счастья»⁴³. Стремление к образу, соответствующему образованным людям, желание улучшить социальное положение, оторваться от мира своего детства, рабочего класса проецируется на нарраторку-героиню. Идентификация субъектов взаимна, что опять же маркирует истончение границы между Я и Другой.

В подростковом возрасте происходит символическая сепарация дочери от матери, между ними устанавливаются отношения борьбы, конфликта: «Мы обращались друг к другу в ругательном тоне при любых обстоятельствах»⁴⁴. Это мотивирует дочь пространственно и символически удалиться от матери, в результате чего вновь меняется оценка ее фигуры: «Я забыла о наших конфликтах. У меня, студентки филфака, был ее очищенный образ, без криков и насилия»⁴⁵.

Новый этап в дочерне-материнских отношениях – материнское выражение чрезмерной зависимости от дочери, ее инфантильность, проявляющаяся в застенчивости, манипуляциях для получения желаемого: «Но в глубине души у нее была только одна надежда – жить со мной. Однажды, застенчиво: «Если бы я переехала к тебе, я бы могла заниматься твоим домом»»⁴⁶.

Последняя стадия отношений матери и дочери – смена ролей во время болезни матери в последние годы ее жизни: мать превращается в маленькую девочку, о которой заботится дочь, за которой ухаживает: «Я приносила ей шоколад, выпечку, которую давала ей маленькими кусочками»⁴⁷. Дочерне-материнские отношения переживают обратное развитие: в фиктивный период письма нарраторка обращается к детскому восприятию материнского образа: «Ее образ тяготеет к возвращению к тому, который, как мне представляется, был у меня в раннем детстве: широкая белая тень надо мной»⁴⁸.

Так разворачивается символическое путешествие, конечная точка которого – принятие матери, принятие ее влияния на свою идентичность и

⁴² Ibid. P. 57. “Elle a poursuivi son désir d'apprendre à travers moi”.

⁴³ Ibid. P. 65. “Si on t'avait fichue en usine à douze ans, tu ne serais pas comme ça. Tu ne connais pas ton bonheur”.

⁴⁴ Ibid. P. 60. “Nous nous adressions l'une à l'autre sur un ton de chamaillerie en toutes circonstances”.

⁴⁵ Ibid. P. 66. “J'ai oublié nos conflits. Étudiante à la fac de lettres, j'avais d'elle une image épurée, sans cris ni violence”.

⁴⁶ Ibid. Pp. 74-75. “Mais elle n'avait au fond qu'une seule espérance, vivre avec moi. Un jour, avec timidité, ‘si j'allais chez toi, je pourrais m'occuper de ta maison’”.

⁴⁷ Ibid. P. 101. “Je lui apportais du chocolat, des pâtisseries, que je lui donnais par petits morceaux”.

⁴⁸ Ibid. P. 105. “Son image tend à redevenir celle que je m'imagine avoir eue d'elle dans ma petite enfance, une ombre large et blanche au-dessus de moi”.

принятие себя как ее продолжения, осмысление своего письма как чего-то, имеющего материнский источник: «Нужно было, чтобы моя мать, рожденная в подвластной среде, откуда она хотела вырваться, стала историей, чтобы я почувствовала себя менее одиноко и искусственно в мире, где господствуют слова и идеи – там, по ее желанию, я обосновалась»⁴⁹. Вместе со смертью матери нарраторка «Женщины» теряет связь с миром детства и прошлого, с собой-ребенком, утрачивает часть Я, но вместе с тем ассоциирует свою идентичность с буржуазным словесным пространством.

Как следует из статьи Катрин Монфор⁵⁰, мотив развития дочерне-материнской связи в «Женщине» проистекает из изображенного в «Une mort très douce» Симоны де Бовуар. Это произведение тоже посвящено смерти матери. Катрин Монфор указывает, что «Бовуар начинает историю в пространственной, темпоральной и психологической сепарации от матери»⁵¹, однако в финале «Бовуар становится с матерью одним целым»⁵².

Путь к принятию матери раскрывается и в «Ране». Однако в этом автофикшне дочерне-материнские отношения представлены не в стадийном развитии от детства героини к взрослению, а – через ахроникальные эпизоды-воспоминания. Каждый из них раскрывает устойчивую черту взаимоотношений с матерью, как, например, эпизод, где героиня «подбрасывает дневник в разные места квартиры»⁵³, чтобы мать ее заметила, или изображает процесс со-бытия, как описание близости к материнскому телу»⁵⁴.

«Флэшбеки», отражающие работу памяти, расположены в тексте по ассоциативному, а не темпоральному принципу. Так, флэшбек, репрезентирующий заботу о матери во время ее предсмертной болезни, мотивирован сопоставлением пространства и материнской телесности: «В окне серела степь – такого цвета у мамы были волосы. Когда я гладила ее по голове, то видела, что половина головы седая»⁵⁵. Образ степи протягивается к еще одному воспоминанию-отступлению: поездке на поезде из Сибири в Астрахань в момент, когда героине-нарраторке «было десять лет»⁵⁶. Эпизод тоже

⁴⁹ Ibid. P. 106. “Il fallait que ma mère, née dans un milieu dominé, dont elle a voulu sortir, devienne histoire, pour que je me sente moins seule et factice dans le monde dominant des mots et des idées où, selon son désir, je suis passée”.

⁵⁰ См. Montfort C. French Forum. 1996. Vol. 21. N. 3.

⁵¹ Ibid. P. 354. “Beauvoir begins her story spatially, temporally and psychologically separated from her mother”.

⁵² Ibid. P. 355. “In the end, Beauvoir becomes one with her mother”.

⁵³ Там же. С. 32.

⁵⁴ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 69. «Я становилась частью материнского тела, потому что ее руки крепко прижимали меня к плечам, груди, животу. Я не помню запаха, но помню скудную тоску внутри себя от того, что эта близость вот-вот прервется. Эта тоска длилась во мне жарким блаженством присутствия материнского тела рядом».

⁵⁵ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 11.

демонстрирует счастье жизни вместе с матерью, ощущения ее физического присутствия: «Мы давились смехом, этот смех был как экстаз сближения с мамой»⁵⁷. Телесные, физиологические детали у Васякиной свидетельствуют реальность со-существования с матерью.

Последняя, пятая, часть «Раны» представляет конечную точку принятия матери, которое выражается в обращении нарраторки к матери на «ты», впервые за весь текст: «Я говорила и писала о тебе и тебя: она, мама, мать, ее. Но не писала тебе: ты. Я ни разу не обратилась к тебе. Я не посмотрела в твоё лицо»⁵⁸. Именно повествование во втором лице воспринимается как способ утверждения субъектности Другой, преодоление «перекрестной объективации»⁵⁹ и взаимных отношений к Другой как принадлежащей себе: «Но ведь ты была у меня внутри, потому что я – твоя дочь»⁶⁰. «Я была внутри тебя и после – питалась тобой»⁶¹.

Из точки принятия другой – равной себе – нарраторка переходит к эмоциональной сепарации от матери, которая утверждает в признании иного характера своего языка: «Но мой язык другой, он не сложнее и не проще. Он не лучше и не хуже. На нем можно сказать: мама, я люблю тебя»⁶². При этом в начале пятой части утверждается и преемственность языка и письма от матери: «Ты научила меня говорить. Ты научила меня читать. Ты научила меня писать. Ты подарила мне язык. Язык, которым сегодня я пишу о тебе. Язык, которым я называю вещи мира»⁶³. Нарраторка приобретает независимость, но не в бунте-отрицании фигуры матери, а в принятии ее воздействия, и благотворного, воспринимаемого как дар, и пагубного: «Ты, не названная ты, стала мне могилой»⁶⁴.

Пятая часть предваряется эпиграфом из эссе Иригарей «And the One doesn't Stir without the Other» («И один не шевелится без другого») в переводе Элен Вивьен Венцель: «And what I wanted from you, Mother, was this: that in giving me life, you still remain alive»⁶⁵. («И вот что я хотела от тебя, Мама: чтобы, подарив мне жизнь, ты до сих пор оставалась живой»). Этот эпиграф – последнее предложение из эссе – утверждает бессмертие матери через дочернее присутствие в мире: жизнь дочери продолжает, наследует материнскую жизнь, по-своему преображая данное матерью.

⁵⁷ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 11.

⁵⁸ Там же. С. 111.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 112.

⁶³ Там же. С. 111.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Irigaray L. "And the One Doesn't Stir without the Other" / trans. by Hélène Vivienne Wenzel // Signs. 1981. Vol. 7. N. 1. P. 67.

Вместе с тем изображение дочерне-материнских отношений в «Ране», особенно ее пятую часть, можно считать аллюзией к эссе Иригарей. Это эссе представляет собой письмо-обращение к матери, написанное во втором лице, также это и путешествие в сторону принятия, и заканчивается оно утверждением собственной неотделимости от матери. В нем фиксируется холодность матери, ее ядовитое воздействие на дочь («Ты влилась в меня, и эта горячая жидкость стала ядом, парализовавшим меня»⁶⁶), которое изображено и у Васякиной: «Оттого ли, что я боялась, что ты заморозишь меня своим скользким взглядом, если я вдруг приоткроюсь тебе?»⁶⁷. Эссе Иригарей также репрезентирует установление коммуникации с матерью впервые: «Но мы никогда, никогда не разговаривали друг с другом»⁶⁸. Кроме того, Иригарей развивает мотив сепарации, бегства от материнского влияния, приносящего свободу, новое самоощущение субъекта: «Я не могу сказать тебе, куда я иду. Забудь меня, мама. Забудь, что ты во мне, а я в тебе. Давай просто забудем о нас. Жизнь продолжается...»⁶⁹. Васякина привносит в эту модель мотив любви, благодарности матери, сопрягает материнство с наделением ребенка способностью продуцировать речь, с письмом.

Я и Другая как живая и умершая

Горящая-Я и умершая-Другая – еще одна оппозиция, характеризующая положение субъектов в «Женщине» и «Ране». Оба текста представляют процесс переживания утраты, в который фиктивная авторка непосредственно вовлечена во время написания текста. Благодаря выведению материнского образа из личного пространства в социальное, на которое направлена публикация текстов, автофикциональные произведения становятся проектами по сохранению и распространению памяти об утраченной матери.

В «Ране» есть метафрагмент, схожий с метафрагментом «Женщины» о перепроживании в процессе письма времени, когда мать была жива: «Но я не пишу о ней, у меня есть ощущение, что я скорее живу с ней во времени, местах, где жива и она»⁷⁰, – у Эрно и «Обретаемое время, с одной стороны, очень важная вещь, которую ни в коем случае нельзя у себя отнимать. Но оно и опасная игрушка. <...> Я как бы постоянно там и проживаю это как бесконечную петлю. Это мое внутреннее время»⁷¹, – у Васякиной. Переживание прошлого определяет субъекта, его внутреннюю и внешнюю

⁶⁶ Ibid. “You flowed into me, and that hot liquid became poison, paralyzing me”. P. 60.

⁶⁷ Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021. С. 111.

⁶⁸ Irigaray L. “And the One Doesn’t Stir without the Other” / trans. by Hélène Vivienne Wenzel // Signs. Vol. 7. N. 1. 1981. P. 67. “But we have never, never spoken to each other”.

⁶⁹ Ibid. P. 63.

⁷⁰ Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987. P. 68.

⁷¹ Васякина О. Рана. М.: НЛЮ, 2021. С. 28.

реальность, прошлое замещает настоящее и преследует героиню обоих автофикшенов. Как отмечает Кэти Карут, «Травма локализуется не просто в насильственном или первоначальном событии, <...> а в том, как ее неассимилированная природа возвращается, чтобы впоследствии преследовать пострадавшего»⁷².

Установление контроля над прошлым, травматическим возвращением, чтобы оно не установило контроль над ней самой, – это цель написания книги для нарраторки Васякиной: «И похоже, чтобы уберечь себя от этого, я пишу эту книгу. Написать для меня равно укротить время, которое меня обретает»⁷³. Для нарраторки Эрно выпустить книгу – перестать переживать прошлое, но вместе с тем и – принять окончательную смерть матери: «выпуск книги не имеет никакого значения, если не считать окончательной смерти моей матери»⁷⁴. Окончание четвертой части текста Васякиной фиксирует продолжение горевания для фиктивной авторки, оно не останавливается на моменте написания книги: «Наше с мамой большое путешествие из Волжского в Усть-Илимск фактически закончилось. Но оно продолжает разворачиваться внутри меня. Как долгая ночная дорога»⁷⁵.

Заключение

Итак, письмо о «Другой» в рассмотренных автофикциональных текстах о смерти матери – это письмо, стремящееся к осмыслению концепта «женскости» и материнского образа, его роли.

Миф о женственности репрезентирован в его бытовании в убеждениях старшего поколения, где «женское» связывается со стереотипами о телесной привлекательности, согласно которым тело существует не для себя, а для взгляда другого. В обоих произведениях представлено восприятие образа женщины в универсализированном контексте, который подготавливает деиндивидуализация материнского образа.

В обоих текстах Я и Другая зеркальны друг другу, зеркально воздействуют друг на друга и могут меняться местами, представляя циклические интенции: взаимную идентификацию у Эрно и взаимную объективацию – у Васякиной. В «Женщине» и «Ране» разворачивается символическое путешествие к принятию матери и пониманию своего письма как имеющего материнский источник. Мать предстает в текстах больной и здоровой,

⁷² Caruth C. *Unclaimed experience: Trauma, Narrative, and History*. The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 4. “Trauma is not locatable in the simple violent or original event in an individual's past, but rather in the way that its very unassimilated nature – the way it was precisely not known in the first instance – returns to haunt the survivor later on”.

⁷³ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 28.

⁷⁴ Ernaux A. *Une femme*. Éditions Gallimard, 1987. P. 68. “sortir un livre n'a pas de signification, sinon celle de la mort définitive de ma mère”.

⁷⁵ Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021. С. 110.

имеющей пагубное и живительное воздействие на дочь, «хорошей» и «плохой», подчиняющей дочь и подчиняющейся ей. Женское таким образом де-идеализируется, связывается с разнообразием телесного опыта. При этом у Эрн конечная точка отношений с матерью – символическое слияние с ней и перенятие ее женской роли, а у Васякиной – сепарация от матери с признанием ее влияния.

Письмо о себе в этих текстах – это письмо о себе как о дочери, отражающей Другую и реконструирующей ее образ, и о переживании горевания как особенного опыта, позволяющего деавтоматизировать реальность. Письмо связывается с перепроживанием со-бытия с матерью, возвращением прошлого, сохранением памяти о матери и представлении этой памяти в социальном пространстве.

«Женщина» и «Рана» принадлежат одной группе автофикциональных произведений, написанных под влиянием феминистской литературы и репрезентирующих путь личной интерпретации материнского образа. Имея схожие источники, французская и русская авторки создают похожие, рифмующиеся друг с другом тексты.

Литература

Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. М.: V-A-C Press, 2022.

Васякина О. Рана. М.: НЛО, 2021.

Васякина О., Максимова Е. «Я против иллюзии, что книгой можно вылечиться» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1.

Иригарей Л. Этика полового различия / пер. А. Шестакова, В. Николаенкова. Художественный журнал, 2004.

Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции я // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А. Черноглазова, М. Титовой. М.: Логос, 1997.

Beauvoir S. de. Le deuxième sexe II: L'expérience vécue. Édition du Club France Loisirs, Paris, avec l'autorisation des Éditions Gallimard, 1990.

Bourdieu P. La domination masculine. Éditions du Seuil, 1998.

Caruth C. Unclaimed experience: Trauma, Narrative, and History. The Johns Hopkins University Press, 1996.

Charpentier I. «Quelque part entre la littérature, la sociologie et l'histoire...»: L'œuvre auto-sociobiographique d'Annie Ernaux ou les incertitudes d'une posture improbable // Discours en contexte. 2006. N. 1.

Cixous H. The Laugh of the Medusa / trans. by K. Cohen and P. Cohen // Signs. Vol. 1. N. 4.

Doubrovsky S. Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // L'Esprit Créateur. 1980. Vol. 20. N. 3.

Ernaux A. Une femme. Éditions Gallimard, 1987.

Ernaux A. Vers un je transpersonnel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.annie-ernaux.org/fr/textes/vers-un-je-transpersonnel/> (дата обращения: 10.07.2025).

Ernaux A., Jeannet F-Y. L'écriture comme un couteau, d'Annie Ernaux. Entretien avec Frédéric-Yves Jeannet. Publisher, Stock, 2003.

Gasparini Ph. Autofiction: Une aventure du langage. Éditions du Seuil, 2008.

Hubier S. Littératures intimes: Les Expressions du moi, de l'autobiographie à l'autofiction. Paris, 2003.

Irigaray L. "And the One Doesn't Stir without the Other" / trans. by Hélène Vivienne Wenzel // Signs. 1981. Vol. 7. N. 1.

Ladimer B. Cracking the Codes: Social Class and Gender in Annie Ernaux // Chimères. 2002. Vol. 26(1). N. 53.

Montfort C. French Forum. 1996. Vol. 21. N. 3.

Wagner-Egelhaaf M. Handbook of Autobiography/Autofiction. Boston-Berlin: De Gruyter, 2018.

References

Beauvoir S. de. *Le deuxième sexe II: L'expérience vécue* [The Second Sex: Volume II]. Édition du Club France Loisirs, Paris, avec l'autorisation des Éditions Gallimard, 1990 (in French).

Bourdieu P. *La domination masculine* [Masculine Domination]. Éditions du Seuil, 1998 (in French).

Butler J. *Gendernoe bespokoystvo: Feminizm i podriv identichnosti* [Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity], trans. from Eng. by K. Sarkisov. Moscow: V-A-C Press Publ., 2022 (in Russian).

Caruth C. *Unclaimed experience: Trauma, Narrative, and History*. The Johns Hopkins University Press, 1996.

Charpentier I. "Quelque part entre la littérature, la sociologie et l'histoire...": L'œuvre auto-sociobiographique d'Annie Ernaux ou les incertitudes d'une posture improbable [‘Something between literature, sociology and history’: Annie Ernaux’s self-sociobiographic work or the uncertainties of an unlikely posture]. *Discours en contexte*. 2006. N. 1 (in French).

Cixous H. The Laugh of the Medusa, trans. by K. Cohen and P. Cohen. *Signs*. 1976. Vol. 1. N. 4. P. 875-893.

Doubrovsky S. Autobiographie [Autobiography], Vérité [Truth], Psychanalyse, *L'Esprit Créateur*. 1980. Vol. 20. N. 3 (in French).

Ernaux A. Une femme [A Woman's Story]. Éditions Gallimard, 1987 (in French).

Ernaux A. Vers un je transpersonnel [Towards a transpersonal 'I'] [Electronic resource]. URL: <https://www.annie-ernaux.org/fr/textes/vers-un-je-transpersonnel/> (Date of access: 10.07.2025)(in French).

Ernaux A., Jeannet F-Y. *L'écriture comme un couteau, d'Annie Ernaux* [Writing like a knife, Annie Ernaux]. Entretien avec Frédéric-Yves Jeannet. Publisher, Stock, 2003 (in French).

Gasparini Ph. *Autofiction: Une aventure du langage* [Autofiction: An adventure of language]. Éditions du Seuil, 2008 (in French).

Hubier S. *Littératures intimes: Les Expressions du moi, de l'autobiographie à l'autofiction* [Intimate literatures: The Expressions of the self, from autobiography to autofiction]. Paris, 2003 (in French).

Irigaray L. "And the One Doesn't Stir without the Other" / trans. by Hélène Vivienne Wenzel. *Signs*. 1981. Vol. 7. N. 1.

Irigaray L. *Etika polovogo razlichiya* [Ethics of Sexual Difference], trans. by A. Shestakov, V. Nikolaenkov. *Khudozhestvennyy journal*, 2004 (in Russian).

Ladimer B. Cracking the Codes: Social Class and Gender in Annie Ernaux. *Chimères*. 2002. Vol. 26(1). N. 53. P. 53-70.

Lacan J. Stadiya zerkala i yevo rol' v formirovanii funktsii ya [The mirror stage as formative of the function of the I], in *Instantsiya bukvy, ili sud'ba razuma posle Freyda* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud], trans. from French by A. Chernoglazova, M. Titova. M.: Logos Publ., 1997 (in Russian).

Montfort C. *French Forum*. 1996. Vol. 21. N. 3.

Vasyakina O. *Rana* [Wound]. Moscow: NLO Publ., 2021 (in Russian).

Vasyakina O., Maksimova E. "Ya protiv illyuzii, chto knigoy mozžno vylechitsya" ["I am against the illusion that a book can cure"], in *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 2022. Vol. 7. N. 1 (in Russian).

Wagner-Egelhaaf M. *Handbook of Autobiography/Autofiction*. Boston-Berlin: De Gruyter, 2018.

Writing about Oneself and Writing about the Other in Women's Autofiction

a Comparative Analysis of "A Woman's Story" by A. Ernaux
and "Wound" by O. Vasyakina

Alexandra Shchukina, student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), alexpike2@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of two autofictional texts about the death of a mother, a French one and a Russian one: "Une femme" ("A woman's story") by A. Ernaux, published in 1987 and "Wound" by O. Vasyakina, published in 2021. The relationship between "the Other" and "I" in both texts is determined by the oppositions of mother and daughter; deceased and alive; a woman who bears patriarchal attitudes about the concept of "femininity" and a woman who overcomes them. The image of the mother in both texts is universalized: in "A woman's story" through the socio-historical context and in "Wound" through the intertext. Besides, the key way of self-characterization of the subject in "A woman's story" and "Wound" is to observe the grief and the act of writing in the process of mourning. Both texts are organised by a symbolic journey with a goal to accept the mother and the connection with her. In the autofiction of Ernaux a journey is based on the linear development and in the autofiction of Vasyakina – on the flashbacks. Such "journeys to acceptance" are established as a feature of a group of women's texts about maternal death: "Une mort très douce" by S. de Beauvoir, the pretext of "A woman's story" and "And the One Doesn't Stir without the Other" by L. Irigaray, the pretext of "Wound".

Keywords: women's autofiction, Ernaux and Vasyakina, mother-daughter bond, death of a mother in literature, representation of women's experience, image of the Other

For citation: Shchukina A.B. (2025) Writing about Oneself and Writing About the Other in Women's Autofiction: a Comparative Analysis of "A Woman's Story" by A. Ernaux and "Wound" by O. Vasyakina // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 1. P. 10-26.

Date of receipt: 25.07.2025.